

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ТГУ
СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

**ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ
В ФИЛОЛОГИИ XXI ВЕКА:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

**Материалы Всероссийской молодежной конференции
23–25 августа 2012 г.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2012

СТАТУС «КЛЮЧЕВОГО СЛОВА» НАРОДНОЙ ПРИМЕТЫ: СВОЙСТВА И СПЕЦИФИКАЦИИ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)¹

Н.А. Агапова, ТГУ, аспирант
Научный руководитель – Т.Б. Банкова

Идею изучения культуры того или иного народа посредством его языка можно возвести к трудам Э. Сепира: именно ему принадлежит впервые высказанная мысль о том, что «лексика – очень чувствительный показатель культуры народа» и что «язык является символическим руководством к пониманию культуры».

Сам термин «ключевое слово» был введен в филологическую науку А. Вежбицкой: «Ключевые слова – это слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры». «Ключевое слово» по Вежбицкой – это набор культурных коннотаций, квинтэссенция свойств культуроспецифичного слова. Понятие «культурная коннотация» в свою очередь наиболее полно и точно раскрывается в работе В.Н. Телии «Русская фразеология»: «Культурная коннотация – это в самом общем виде интерпретация денотативного или образно-мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры».

В книге «Понимание культур посредством ключевых слов» А. Вежбицкая обосновывает очень важное качество ключевого слова: лексика, претендующая на статус ключевой в каком-либо языке, должна содержать в себе культурную информацию, хранить ее и транслировать от одних поколений к другим: «Лингвоспецифичные слова отражают и передают образ жизни, характерный для некоторой данной языковой общности, и могли бы рассматриваться как своего рода свидетельства о каких-то особенностях соответствующей культуры». А. Вежбицкая формулирует основные свойства, которыми, на ее взгляд, должны обладать лексические единицы, «претендующие» на звание «ключевых» в каком-либо языке: во-первых, такие слова не имеют абсолютных аналогов в других языках, а переводы, через которые предпринимается попытка ввести их в язык-реципиент, не способны адекватно передать их лексическое значение.

Свойства, выделяемые А. Вежбицкой, являются универсальными, однако КС приметыв имеет ряд специфических свойств, обусловленных особенностями его бытования. Важно отметить, что А. Вежбицкая анализирует свойства слов, бытующих в культуре вообще и не имеющих привязки к конкретным текстам – фольклорным или авторским, поэтому свойства КС, выделяемые ею, отличает универсальность и одновременно некоторая абстрактность. Ученый не ставит перед собой цели выделить и описать ключевые слова только пословиц или только фразеологизмов, это ключевые слова всего языка вообще. По сути, качества, выделяемые Вежбицкой, достаточно обтекаемые, они свойственны очень широкому кругу лексических единиц. Такие слова могут вычленяться во многих текстах: исследователь анализирует пословицы, изречения, популярные песни, авторские литературные произведения. КС в понимании А. Вежбицкой являются инструментом компаративиста, средством сравнения разных культур, выявления у них общего и различного, это ключи к культуре вообще; функции КС приметыв иные.

Ключевые лексические единицы, вычленяемые в приметах, требуют иного способа описания и более тщательной классификации, что, в свою очередь, обусловлено спецификой их бытования: это не слова вообще (пусть даже конкретного, отдельно взятого языка), а лексемы, привязанные к конкретным текстам; более того: ключевое

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Константы русской народной культуры в языковом коде: от бытового к бытийному», (грант № 12-04-00163).

слово приметы само выстраивает вокруг себя приметный текст, в определенной степени «прогнозируя» его. Главная функция такого слова в примете – выстраивание культурного мира вокруг нее, «притягивание» различных культурных смыслов. Представляется возможным выделить такие свойства ключевого слова приметы, как его принадлежность к пласту общерусской лексики и специфику частеречной принадлежности.

Слово, являющееся в примете ключевым, всегда относится к пласту общерусской лексики и употребляется в различных сферах. Ключевая лексическая единица приметы, как правило, не может представлять собой диалектизм, жаргонизм или иное узкоспециальное слово. Данная особенность обусловлена, прежде всего, тем, что КС должно быть понятно абсолютно любому носителю данного языка – независимо от его профессиональной или социальной принадлежности. Данное свойство КС приметы соотносится со свойствами, выделяемыми Вежицкой, и связано, прежде всего, с тем, что ключевая приметная лексема несет в себе культурный код, содержащийся в языке вообще, а не только в конкретной примете. Конечно, не каждый носитель языка может в полной мере извлечь и «прочитать» культурный код, зашифрованный в таком слове: это зависит от степени владения культурной информацией каждым отдельным человеком, но лексическое значение данной единицы должно быть известно каждому говорящему на русском языке.

Исключения составляют приметы, известные и бытующие в какой-либо узкой, специфической сфере: например, приметы, используемые представителями отдельных профессий или местностей – в этом случае неизбежно появление в качестве ключевых лексем профессиональных аргослов или диалектизмов. Впрочем, такие приметы находятся на периферии. Особого внимания заслуживает частеречная принадлежность ключевой лексемы приметы. Данное свойство КС приметы требует наиболее тщательного анализа и выделения, так как сопряжено с рядом трудностей и противоречий. Так, например, в отдельных приметах трудно выделить одно КС – более или менее подходящих для этого вариантов может быть два или три. Очень часто эти слова-«претенденты» имеют разную частеречную принадлежность.

Еще одна проблема, возникающая в ходе анализа приметного материала, – это тяготение отдельных лексем к синкретичности, когда нельзя отделить одну единицу от другой: *Правая рука чешется – говорят, здороваться будешь с кем-то*. В данной примете не представляется возможным разбить конструкцию «правая рука»: так как в случае ликвидации существительного («рука») рухнет текст всей приметы: исчезает слово, вокруг которого он выстраивается. В случае исключения из тела приметы имени прилагательного («правая») возникает смысловая недостаточность, поскольку именно в приметах, связанных с соматической лексикой, важно подчеркнуть принадлежность этой лексики той или иной стороне человеческого тела: *Правый глаз чешется – радоваться, левый – плакать; Правая рука чешется – получать деньги, левая – отдавать*; и др. Именно этими причинами обусловлено то, что словосочетание «правая рука» должно присутствовать в примете в таком виде, не разбиваясь на составляющие его лексические единицы. Может возникнуть предположение, что ключевым в таком случае будет являться не отдельное слово, а всё словосочетание, но это не совсем так. Вполне возможно выделить ключевое слово внутри словосочетания: подчиняясь синтаксическим закономерностям, этим словом будет «рука», так как это имя существительное, и прилагательное по отношению к нему является зависимым.

Такие приметы позволяют говорить о необходимости выделения и обоснования такого понятия, как «определитель КС приметы», т.е. такого элемента (в данном примере этим элементом является лексическая единица), который является зависимым по отношению к КС приметы, являясь одновременно его неотъемлемым атрибутом, и вносит при этом необходимые семантические оттенки (*культурные коннотации*), важ-

ные для текста приметы в целом, но отсутствующие (или не актуализированные) в самой ключевой лексеме.

Представляется возможным выделить разные виды определителей:

1) определитель – лексическая единица, напр.: *На свадьбу нужно надевать старые туфли – на счастье*: культурная коннотация «прогнозирование счастья» складывается из составляющих: КС *туфли* + прилагательное *старые*;

2) определитель – синтаксическая конструкция, напр.:

3) определитель – ситуация, напр.: *Молодым, чтобы были дружны между собой, и брак был крепким, нужно вставить на полотенце*: культурная коннотация «прогнозирование согласия» складывается из составляющих: КС *полотенце* + определитель «ситуация свадьбы».

КС собранных и анализируемых примет – это, в основном, имена существительные (наименования предметов и локусов), напр.: *Ложка упала – значит, какая-то женщина к нам торопится*; *Ну нет, через порог не надо обниматься – поссоримся*; но встречаются исключения в виде глаголов и прилагательных. КС-глагол встречается в нескольких разновидностях примет: приметах-запретах, так как такая примета акцентирует внимание на действии, которого нужно избегать, напр.: *Когда беременная женщина ходит – нельзя ей мыть покойника*; приметах-рекомендациях, которые напротив, акцентируют внимание приметоносителя на желательности (или необходимости) некоего действия: *Присядь на дорожку – дорога легкой будет*; приметах-прогнозах, устанавливающих связь между различными явлениями: *Прояснило <небо> – к морозу*; *Икнулось – помянулось*.

Следующее свойство КС приметы, требующее рассмотрения и анализа, – его *потенциальность*. КС народной приметы можно представить в виде поля: его ядро будет сформировано из КС, обладающих наибольшим количеством культурных коннотаций и, соответственно, имеющим наибольшее количество реализаций во всевозможных приметах. На периферии поместятся КС, имеющие меньшее количество культурных коннотаций и меньшее количество реализаций. Нельзя говорить о том, что поле КС является неподвижным: формирующие его единицы имеют потенциальную способность перемещаться как из ядра на периферию, так и обратно. Происходит это как под влиянием собственно лингвистических, так и под воздействием факторов экстралингвистического характера. Например, лексическая единица *матка / матица*, имеющая в культуре большое количество культурных коннотаций, является КС в обширном пласте архаических примет и обрядовых рекомендаций, реализующих культурную информацию: *Рожать нужно под маткой – чтобы роды проходили не тяжело, без осложнений*; *Если матка трещит – очень плохая примета: это к несчастью в доме*. Данные приметы демонстрируют закрепленность за КС культурной семантики, связанной с семантической оппозицией «свой – чужой». Формирование этого культурного значения тесно связано с бытовой функцией матки: она делит дом на две половины (избу / горницу, часть у порога / красный угол). Обычай рожать под маткой также связывается с ее культурной семантикой: роды в традиционной культуре – пограничное, медитативное состояние, так как роженица находится между миром живых и миром мертвых, поэтому и процесс родов часто происходил в некоем пограничном локусе, находящемся в медитативном пространстве (порог, баня, место под матицей). Безусловно, такое КС приметы, как *матка / матица* находится в ядре семантического поля. Однако под влиянием экстралингвистических факторов: урбанизации, изменения образа жизни, появления новых бытовых реалий и исчезновения старых – данное КС переходит в пассивный словарный запас: предмет исчезает из быта, а слово, его номинирующее, постепенно исчезает из языка. В новых приметах, как правило, имеющих прочную привязку к современному образу жизни, данное КС уже не фигурирует. Оно имеет

потенцию из ядра переместиться на периферию: часть культурных смыслов оказывается невостребованной. Носитель современного сознания оказывается не в состоянии извлечь эту культурную информацию без вспомогательных «ключей» – знаний из области народной культуры.

Возможен обратный процесс, когда КС, пока еще находящиеся на периферии, «претендуют» на перемещение в центр семантического поля. Таким является КС *зеркало*: современные приметы демонстрируют, что потенциальные культурные коннотации, заложенные в данной лексеме, востребованы современным сознанием и продолжают успешно реализовываться в приметах, возникающих в настоящее время. В старых приметах КС *зеркало* реализует только одну семантику: «пограничное пространство, взаимодействия с которым следует избегать, особенно в погребальном обряде»: *Зеркала в помещении, где есть покойник, завешивают, чтобы он не мог в них смотреться*. Постепенно происходит нарастание «слоев» культурной семантики, так как КС всё больше реализует потенциальные культурные коннотации: *Если беременная женщина часто смотрится в зеркало – у нее может родиться двойня; Невесте перед свадьбой нельзя смотреться в зеркало вместе с кем-то из подруг – отобьет жениха; Жениху и невесте нельзя вместе смотреться в зеркало до свадьбы – расстанутся*. КС *зеркало* постепенно перемещается с периферии семантического поля в его центр, поскольку является генератором порождения новых примет и «наматывает» на себя новые культурные слои.

Кроме того, КС является средством выражения деятельности человеческого сознания, осуществляющего накопление, хранение и передачу культурной информации. Когнитивность КС выражается в способности «разворачивать» и «сворачивать» свои культурные коннотации. Культурная информация, перманентно хранящаяся в КС, может реализовываться по-разному: так, КС *кошка* реализует следующие культурные коннотации: «цвет», напр.: *Черная кошка перешла дорогу – день будет неудачным; Если тебе дорогу перейдет рыжий кот – к прибыли; Трехцветная кошка в доме – к деньгам*; «действие», напр.: *Кошка спит – к слезам; Кошка садится на подоконнике и смотрит в окно – на тепло; Кошка на человека тянется – к обнове; Кот лапой морду умывает – гостей намывает*; «характер»: *Ласковая кошка – у доброго человека*.

Собранный и проанализированный материал показывает, что чем больше у КС возможностей «развернуть» культурные коннотации: «цвет», «форма», «количество», «характер» и т.д., тем больше примет это слово может «собрать» вокруг себя, причем в каждой примете могут реализовываться как один, так одновременно и несколько «слов» культурных смыслов. КС является генератором появления новых примет (маркером новизны примет являются современные реалии, в них фигурирующие). Собранный материал показывает: часто зарождение индивидуальной приметы происходит в быличке, напр.: *Помню, в тот год сирени много цвело – тогда свекровь моя умерла, а я была беременная Костей. Не могу с тех пор чувствовать запах сирени: всё кажется, что умрет кто-нибудь*. Широко распространено появление новых примет на основе старых: в этом случае примета-источник и новая, появившаяся на ее основе примета являются формальными или содержательными дублетами, например, старая примета с КС *порог* (*Нельзя здороваться через порог*) становится источником для новой приметы: *Не следует разговаривать по телефону, стоя на пороге или проходя через ворота: чтобы вы не сказали, к вам отнесутся несерьезно*. «Поле» примет, группирующихся вокруг КС, имеет ядро и периферию: ядро формируют старые приметы, периферию – новые. Чем больше культурных коннотаций заложено в КС, тем более широкое поле примет оно может образовать вокруг себя.

Итак, подводя итог, можно сказать о том, что функция КС приметы, заключающаяся в выстраивании приметного текста и приметной ситуации в целом, обуслов-

ливаает его спецификации. Оно всегда является единицей общерусского языка; имеет специфику частеречной принадлежности и может иметь при себе определитель; КС приметы свойственны многоуровневость и универсальность; оно обладает такими свойствами, как потенциальность, коммуникативность, когнитивность, эмотивность и витальность.

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ЖИВОТНЫХ ОБРАЗОВ В ВЫМЫШЛЕННОМ МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Р.М. Акимжанова, АлтГПА, магистрант
Научный руководитель – В.И. Габдуллина

В современном литературоведении в русле художественной феноменологии появилась такая область знания, как «художественный бестиарий». Понятие «бестиарий», пришедшее из Средневековья, где так назывались «нравоучительные трактаты, в которых на примере мнимых и реальных животных рассматривались различные христианские понятия»¹, включает в себя совокупность всех животных образов, населяющих вымышленный мир художественной литературы.

Бестиарные традиции в литературе разных времен изменялись, неся в себе различные смысловые значения и выполняя различные функции – от простого предметного наполнения художественного мира, через различные проявления метафоризации до символистской редукции материально-телесного наполнения образа. Большая или меньшая степень проявления материально-телесного, «анималистического», уровня отражается в оппозиции иносказательности и автологии художественных образов. Образы птиц, зверей, насекомых заполняют все ячейки в парадигме художественных тропов, при этом один и тот же образ может создаваться одновременно несколькими средствами изображения/преображения художественной действительности. Так, при детальном рассмотрении образа Каштанки А.П. Чехова можно увидеть и средства антропоморфизации, которая сама по себе уже является разновидностью метафоры («Каштанка оглянулась и увидела, что по улице прямо на нее шел полк солдат. Не вынося музыки, которая **расстраивала ей нервы**, она заметалась и завывала. **К великому ее удивлению**, столяр, вместо того чтобы испугаться, завизжать и залаять, широко улыбнулся, вытянулся во фронт, и всей пятерней сделал под козырек»²), и даже прием остраннения в отдельных эпизодах.

В связи с наибольшим/наименьшим проявлением материально-телесных и иносказательных смыслов мы выделяем предметно-телесные, антропоморфизированные, символические образы и образы-метаморфозы.

К первому типу относятся животные образы, являющиеся средством «наполнения» вымышленного мира художественной литературы, придания этому миру ощущения материальности, предметности/телесности и осязаемости. Так, в «Хамелеоне» А.П. Чехова помимо полностью метафорического «бестиарного» названия, композиционным центром, вокруг которого разворачивается действие, является совершенно лишенный какого-либо иносказательного звучания образ маленькой собачки: «*В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала – белый борзой щенок с острой мордой и желтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса*»³. Маленький шпиц в рассказе «Дама с собачкой» выполняет сюжетно-композиционную роль, а также является образом-эмблемой, который связан с образом человека, не тропическим, а событийно-сюжетным образом: случившееся с животным воздействует на решения, поступки, судьбы человека.